

Секция «Юриспруденция»

О понятии "конституционные интерпретации" и их видах

Лепихова Юлия Игоревна

Аспирант

*Самарский государственный университет, Юридический факультет, Самара,
Россия*

E-mail: lula@samaradom.ru

Конституция – политико-правовая основа общества и государства. Она легитимирует существующую власть и дает правовое обоснование существованию именно такой системы управления.

Конституция Российской Федерации невелика по объему, и люди не стремятся использовать конституцию как всеобъемлющий регулятор. Несмотря на распространенное мнение о том, что ясные положения (в том числе Конституции) не подлежат толкованию, это не так. Это вывод, к которому мы приходим именно в результате толкования того или иного положения, подлежащего применению. А когда возникают конфликты и споры, приходит время правоприменителей. В отношении Конституции РФ они имеют особый статус. Речь идет о судьях Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ, Суд).

В российской правовой науке не сложилось единого понятия, обозначающего массив толкований Суда для статей Конституции РФ, однако зарубежный опыт куда богаче, и в качестве примера чаще всего приводятся конституционные интерпретации Верховного Суда США. Это понятие имеет несколько более широкое определение по сравнению с отечественными правовыми позициями. Понятия близкие по содержанию к конституционной интерпретации, вырабатываются в правовых системах тех стран, где официальное толкование конституции уполномоченным на то органом осуществляется особенно активно, что дает возможность охватить все возможные конфликтные общественные отношения. Эти конституции, как правило, жесткие и мало меняются, медленно приспособляясь к прогрессу в политических взглядах, общественном мнении. Такие конституции иногда называют «живыми», не в последнюю очередь благодаря официальному толкованию Конституции США. Это же понятие означает, что текст конституции адаптируется к внутренним и внешним изменениям, переходя от одной эпохи к другой и из поколения в поколение.

Когда возникает необходимость в официальном авторитетном толковании, сама же Конституция предусматривает для себя механизм толкования Судом. Естественно, что Суд при осуществлении толкования применяет определенные способы и приемы, и каждый из которых по отдельности не является более главным, чем другой. Однако комбинации применения этих способов породили в ученом сообществе множество дискуссий. Например, Верховный Суд США выработал ряд концепций интерпретационных операций, которые имели приоритет в зависимости от того, приверженцем которой из них являлся Председатель Верховного Суда США. В обобщенном виде они описаны самими судьями[2].

Самой ранней концепцией считается оригинализм, или идея первоначального замысла. Оригиналисты считают, что конституцию следует толковать исходя из представлений ее создателей о том, что должно содержаться в том или ином ее положении. Они

выявляют, прежде всего, авторский замысел или то, что, по их мнению, этим замыслом может являться.

Оригиналисты полагают, что выявление первоначального замысла является самым «чистым», то есть свободным от субъективизма, способом интерпретации Конституции, поскольку видение и мнение ее создателей, по большей части, хорошо задокументировано[4]. Кто может объяснить неясный оборот Конституции, если не тот, кто ее написал?

Противники оригинализма отмечают несколько моментов. Во-первых, Конституция, возможно, и была результатом работы ее создателей, но она подлежит необходимо процедуре признания (например, ратификация или референдум). Разве мнение признающих лиц не имеет эквивалентное, а то и большее значение? Кроме того, под создателями обычно понимается коллективный орган, который не может быть психическим субъектом и не может иметь единства воли, что касается и Конституции. Чье мнение следует использовать?

На самом деле, как и все последующие конституционные интерпретации, большинство правоприменителей используют оригинализм так и тогда, когда им это удобно[1].

Те, кто выступает против оригиналистского подхода, часто считают себя модернистами, или инструменталистами. Модернистский подход заключается в том, что интерпретатор дает формулировкам Конституции такой смысл, который им был бы придан, если бы Конституция была принята сегодня. Иными словами, это поиск значения на момент интерпретации. Такой подход оправдан, поскольку мировоззрение общества и его установки меняются, соответственно, меняются приемы обоснования принятия именно такого решения. Инструменталисты выдвигают основной вывод против оригиналистов, который заключается в том, что Конституция устаревает, и никакого отношения к современной жизни не будет иметь, если на нее смотреть через призму того времени, когда она была написана. Кроме того, иногда мы себе с трудом можем представить, что имелось в виду более чем за 200-летнюю историю, скажем, Конституции США, отцами-основателями в XVIII веке, как и они не могли знать и понимать, что происходит в веке XXI.

Модернисты также утверждают, что Конституция является намеренно расплывчатой во многих областях, что объясняется ее вневременным характером и ориентацией на длительный период действия. Конституцией предполагается разрешить современные интерпретации и переопределить старые. Именно та интерпретация, которая наилучшим образом воплощает в себе концепцию живой Конституции, имеет право на существование: благодаря толкованию конституция станет гибкой и динамичной, даже если по своей природе она жесткая и медленно меняется. Модернисты не отрицают оригинализм, они признают, что есть смысл в исторической перспективе, но современные потребности общества перевешивают соблюдение потенциально опасного устаревшего взгляда.

Оригиналисты считают, что модернизм оказывает медвежью услугу конституции, поскольку ее создатели являют собой голос и совесть нации, а, следовательно, их видение должно быть в состоянии поддерживать надлежащую точку зрения по любому конституционному вопросу.

Исторические буквалисты считают, что современные труды создателей не имеют никакого отношения к интерпретации конституции. Единственное, что необходимо интерпретировать в конституцию – это сам текст слова в их буквальном историческом

значении. Дискуссии, предшествующие окончательному решению, не имеют отношения к интерпретации, являясь приемами риторики, предоставляющими дополнительную аргументацию для поддержания того или иного прочтения конституции.

Исторический буквализм, на первый взгляд, схож с оригинализмом, но буквализм не заинтересован в выходе за пределы текста для принятия необходимого интерпретационного решения.

Очень похож на исторический буквализм, современный буквализм, но опять-таки в части примата слов текста перед дополнительными источниками, поскольку буквализм не заинтересован в наделении слов историческим смыслом. Современный буквализм ближе к словарям, с помощью которых можно определить значение слова Конституции, игнорируя правоприменительную практику (прецеденты, правовые позиции, доктрины), полагаясь исключительно на определение слов.

Однако этот взгляд, имеющий узкую направленность, в своей основе содержит парадокс. В случае, если конституция настолько «стара», что слова, содержащиеся в ней, вышли из употребления, как в таком случае следует толковать их значение? Кроме того, не создает ли такой радикально буквальный подход узкое поле регулирования конституции, например, если ее юридическая техника тяготеет к казуальности?

И, наконец, демократические, или либертарные, конституционные интерпретации[3]. Ее сторонники полагают, что Конституция предназначена не для урегулирования ряда конкретных принципов и руководящих указаний для частных случаев, а была разработана как единый гармоничный принцип, создающий основной костяк, на который могло бы опереться не только историческое, но и современное видение. Эта площадка, основа, для применения положений конституции к частным случаям с учетом принципов рационализма, реализма и историзма, которые заложены в самом же тексте конституции.

В качестве доказательства, либертариалы отмечают, что многие фразы конституции намеренно не определены в контексте. При интерпретации следует двигаться в направлении от общих рамок, заданных авторами, чтобы заполняя пробелы соответственно с современными общественными целями и нуждами, а также с соблюдением прав человека.

Можно ли считать, что какая-то из этих концепций должна быть превалирующей? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно ответить на другой вопрос – чему служат эти концепции? В любом случае, конституция в своей основе предполагает защиту прав и свобод человека и гражданина. А любая концепция, применение которой не нарушает баланса ценностей и интересов общества и защищает права и свободы человека, имеет право на существование. Есть позитивное содержание, именно оно должно видеться в целях адекватного отображения. Конституция как консервативный акт призвана обеспечить стабильность. Но гениальность авторов состоит в том, что они смогли спрогнозировать те возможные варианты развития общественных отношений в их соответствии общечеловеческим ценностям, которые позволяют на будущее интерпретировать ее положения соответственно изменяющимся общественным условиям.

Литература

- 1 Поиск цитаты из «отцов-основателей» для поддержания современного положения может быть мощным средством для продвижения своей точки зрения.

- 2 См. Justice Holmes's comments in *Towne v. Eisner*, 245 U.S. 418, 425 (1918); O.W. Holmes, *Collected Legal Papers* 239 (1952); T. Grey, *Holmes and Legal Pragmatism*, 41 *Stan. L. Rev.* 787 (1989); L. Tribe and M.C. Dorf, *On Reading the Constitution* (1991); R. Weisberg, *The Calabresian Judicial Artist: Statutes and the New Legal Process*, 35 *Stan. L. Rev.* 213 (1982–83); G. Calabresi, *A Common Law for the Age of Statutes* (1982).
- 3 Что делает их схожими с концепцией Нерсесянца. См. Нерсесянц В.С. *Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии.* – 2002. – 3. – С. 3.
- 4 Это положение справедливо и для Конституции Российской Федерации. См., напр., Стенограммы пленарного заседания Конституционной Комиссии РСФСР, изданные СПС «Консультант Плюс».